

**Ю.Н. Смирнов,
Самарский университет**

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

В статье анализируются распространенные в 1920-х гг. футурологические проекты, авторы которых считали свои предложения вкладом в социалистическую теорию. На практике значение этих теорий оказалось незначительным, но некоторые закрепились в советской идеологии.

Ключевые слова: история идей, футурологические проекты, А.К. Гастев, К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, А.А. Богданов.

**Y.N. Smirnov,
Samara University**

FUTUROLOGICAL IDEAS OF THE SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA IN THE SOCIAL THOUGHT OF SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

Article considers the futurological projects by scientists in the 1920s, that were intended to be a contribution to socialist theory. In practice, these theories were insignificant, but some of them were entrenched in Soviet ideology.

Keywords: history of ideas, futurological projects, A.K. Gastev, K.E. Tsiolkovsky, N.F. Fedorov, V.N. Muravyov, A.K. Gorsky, A.A. Bogdanov.

Социалистическое общество, к строительству которого в Советской России после революции приступили большевики, изначально представляло собой общество нормативное, придуманное, опытным путем не обоснованное и не подтвержденное. Представления классиков марксизма об образе будущего были скудными и абстрактными, поэтому естественным стало появление до конца 1920-х гг. множества футурологических проектов, в том числе в среде научной интеллигенции, авторы которых в большинстве считали свои предложения вкладом в конкретизацию социалистической теории. Апеллируя к достижениям науки (преимущественно естественных дисциплин), они были убеждены в объективности обоснования, а потому принципиальной реальности и выполнимости своих предложений. Этим рассматриваемые проекты

1918-1929 годов отличаются от социальных утопий, выстроенных в основном на субъективных умозрительных этических и политических идеалах. В различении футурологии от утопии большое значение имеет и водораздел по линии «разрыв – преемственность», поскольку ученые-прожектеры исходили из признания сложившегося положения в стране и обществе, а утописты всегда бросали вызов существующему порядку [1, с. 180].

Целью данного сообщения является анализ основного спектра идей, на которых базировались футурологические проекты 1920-х гг., пользовавшиеся наибольшей популярностью в обществе. Общественный строй и государственная идеология Советской России нисколько не отвергались авторами футурологических проектов, воспринимаясь вполне адекватной основой для их дальнейшей реализации в свете воплощения весьма расплывчатых марксистских представлений об обществе будущего.

Лишь некоторые стороны этих проектов затрагивались в литературе по истории отдельных научных дисциплин (педагогике и психологии, биологии и генетики, экономики и управления) или философских учениях. Вместе с тем было замечено, что футурологическое прожектерство было вообще свойственно представителям науки молодой Советской России [2, с. 266].

Источниками, в которых отразились подобные представления, служат сочинения самих ученых-выразителей футурологических идей и близких им по взглядам партийно-государственных деятелей 1920-х гг. К их числу следует отнести А.К. Гастева, П.М. Керженцева, А.З. Гольцмана, А.А. Богданова, Э.С. Енчмена, Н.К. Кольцова, Ф.Р. Дунаевского, А.В. Немилова, А.И. Опари-на, И.И. Шмальгаузена, В.М.Бехтерева, Б.М. Завадовского, И.И. Шпильрейна, К.Н. Корнилова, П.П. Блонского, А.Б. Залкинда, К.Э. Циолковского, В.Н. Муравьева, А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, Н.И. Подвойского и др. Эти идеи отразились также в периодике, публицистике, научно-популярной и художественной литературе. Кроме опубликованных материалов, о трудах и взглядах указанных деятелей свидетельствуют документы ряда архивов (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ, Архив РАН, РГА в г. Самаре), с которыми можно теперь познакомиться не только в читальных залах, но и на многочисленных выставках, в том числе виртуальных [3].

В качестве носителей футурологических идей выступали не только деятели науки, но и лица, претендовавшие на роль ученых, даже не имея должного образования, как, например, слесарь А.К. Гастев, который стал основателем Центрального института труда, председателем Совета по НОТ при наркомате РКИ. Его концепция претендовала на ведущую роль в создании новой проле-

тарской культуры через военные и физические тренировки.

Для футурологических проектов 1920-х гг. вообще характерно представление о человеке как биологической машине и понимание сущности человека исключительно через социальное. Основное содержание личности – труд на пользу коллектива. Польза – основной критерий оценки личности в целом. Подобные идеи противостояли традиционным религиозным взглядам, христианским ценностям, сводя духовную сферу к телесным проявлениям, подменяя нравственность поведенческими установками. Они поощрялись властью, хотевшей заместить отрицаемую и отвергаемую духовность государственными и классовыми интересами. Не случайны личные связи целого ряда партийно-государственных деятелей Н.А. Семашко, А.А. Богданова, Н.И. Подвойского и других с различными учеными, в т.ч. Н.К. Кольцовым, А.Б. Залкиндом, Н.А. Сетницким, В.Н. Муравьевым.

Гениальным самоучкой был К.Э. Циолковский. Его общественные и этические взгляды синтезировали различные научные или околонучные дискурсы на принципах не столько материализма Маркса, сколько «философии общего дела» Н.Ф. Федорова с ее верой в достижимость бессмертия и физическое воскрешение. Однако у этой философии и идей социалистического переустройства были общие корни, которые восходили к просветителям и утопистам XVIII-XIX вв. Ж.-Ж. Руссо, Ж. Ламетри, Ш. Фурье.

Несмотря на утверждения, что якобы опорой их были достижения современной науки в самых разных областях знания, на самом деле футурологические проекты 1920-х гг. следовали в методологическом плане устаревшей парадигме науки прошлых веков. Фундаментальные законы классической механики XIX века постулируют обратимость любых физических, природных процессов, в том числе им не противоречит возможность «повторения» некогда живших людей. Только с опорой на эту парадигму были возможны футурологические проекты, подобные теории Муравьева, которые предполагали воскрешение умерших, а также то, что человек должен овладеть временем. Согласно ей, люди единственно состоят из атомов, их повторяющаяся точная комбинация может привести к воскрешению.

Мимо внимания сторонников «философии общего дела» Федорова, как ей просто сочувствующих (как К.Э. Циолковский), так и прямо за ней следующих (В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий), прошли открытия Л. Больцмана, Г. Минковского, А. Эйнштейна, Н. Бора, которые вернули в мир относительность, необратимость, вероятность. Циолковский откровенно негативно относился к новейшим открытиям ученых, разрушавшим представления

об однородности пространства и времени, их механистической простоте, т.к. данные теории ставили под сомнение основу его философских и социальных построений. С этим были согласны те ученики Федорова, которые в 1920-е гг. работали в различных учреждениях советского государства, полагая, что только оно способно достижению федоровского «общего дела» – воскрешению предков, и в качестве признаков того указывали на поддерживаемые властями медицинские, биологические, социальные эксперименты. Так, в работе Русского евгенического общества принимал участие нарком здравоохранения Н.А. Семашко.

В свою очередь для ученых, осознавших значение новых открытий XX столетия, стала уже очевидной невозможность опираться на философские теории прошлых веков. Скептически относились к футурологическим проектам, исходя из своих научных, религиозно-нравственных, политических взглядов, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, С.П. Костычев, А.В. Немилов. Активно противостояли в открытых дискуссиях механистическим взглядам на органическую жизнь В.И. Вернадский и П.А. Флоренский.

С точки зрения общественной практики значение футурологических теорий оказалось незначительным. В конце 1920-х – 1930-е гг. те из них, которые сколько-нибудь могли претендовать на роль системы, составляющей конкуренцию ортодоксальному марксизму, были подвергнуты разгрому путем дискредитации на страницах государственной и партийной печати, репрессий, закрытия журналов, институтов, целых научных направлений: евгеники, генетики, педологии, психотехники, НОТ. Однако это не означало полного отказа от идей, лежавших в их основе, например, трудового воспитания «нового человека», тезиса о будущем слиянии физического и умственного труда, призывов к «покорению природы». Разработки в области реактивного движения, межпланетных сообщений, перестав восприниматься составной частью социальных и этических взглядов Циолковского, легли в основу теоретической космонавтики и современного ракетостроения [4, с. 73]. Реальное развитие получили частные аспекты таких проектов, разрабатываемых в 1918-1929 гг., как принципы НОТ и популяризация физической культуры. Элементы евгеники вошли в современную медицинскую генетику.

Изучение футурологических проектов 1920-х гг. имеет не только историческое звучание. Оно помогает трезво оценить современные попытки обосновать достижениями научного знания радикализм в политике и экономике, «революционные» изменения в человеческой природе и этике.

Список литературы:

1. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
2. Павлюченков С.А., Булдаков В.П., Осокина Е.А. и др. Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
4. Артамонова Л.М. Виртуальные выставки Российского государственного архива в г. Самаре как ресурс информационно-образовательной и воспитательной деятельности // Информационно-образовательная и социокультурная среда вуза: трансформации в образовании. Материалы XLIX науч.-метод. конф. Самара: СГИК, 2022. С. 37-39.
5. Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. Документальные и архитектурные маркеры «мест памяти» авиационно-космической Самары в архиве и на мемориальных площадях // Историческая наука и архивы в XXI веке. Материалы Второй Всерос. с международ. участ. конф. историков и архивистов. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023. С. 67-75.